

НОВЕЛЛЫ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ МОДИФИКАЦИИ НОРМ VI РАЗДЕЛА ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ ГК РФ

Волова Заслуженный работник высшей школы РФ,
Лариса доктор юридических наук, профессор кафедры международного
Ивановна права, Южный федеральный университет
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 88).
E-mail: volova-li@yandex.ru

Аннотация

В данной статье автором рассматриваются важные проблемные вопросы, касающиеся новых правил коллизионного регулирования трансграничных обязательственных отношений. В ней исследуются результаты реформы статей 2009–2018 VI раздела третьей части ГК РФ, регламентирующих трансграничные обязательственные правоотношения. Дана авторская оценка новелл, внесенных в российское законодательство на основе учета опыта зарубежных стран и судебной практики. Показаны преимущества теории «решающего исполнения», «близкого права», а также новых подходов к разграничению сфер обязательственного и вещного статута при регулировании перехода права собственности по трансграничным сделкам.

Ключевые слова: реформа договорного права, договорный статут, теория характерного исполнения, принцип автономии воли сторон, принцип наиболее тесной связи.

Российский законодатель в процессе модификации статей ГК РФ на основе Федерального закона «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» № 260-ФЗ от 30 сентября 2013 г. внес целый ряд новелл и серьезных поправок к нормам, регламентирующим трансграничные договорные отношения.

Положительным итогом реформирования стало определение в специальной статье 1215 ГК РФ сферы действия обязательственного статута, ранее не устанавливаемого в законодательстве. Восполняя пробел, имевший место в договорном праве, эта статья включила перечень вопросов, определяющих сферу действия права, подлежащего применению к договору: толкование договора, определение прав и обязанностей сторон договора, исполнение договора, последствия неисполнения или ненадлежащего его исполнения, прекращение договора, последствия его недействительности.

Но главное достижение состоит в том, что в статье уточнены положения, касающиеся конкуренции вещного и обязательственного статута и действие её распространяется только на отношения, по которым правила о применимом праве предусмотрены в ст. ст. 1210-1214 и ст.1216 ГК РФ.

Как следует из этого, право, избранное сторонами или определенное судьей для регулирования договорных отношений, не будет охватывать своим действием все без исключения аспекты, касающиеся данного договора. Особое значение имеет новый п. 2 ст. 1215 ГК РФ, предусматривающий, что сфера действия обязательственного статута не затрагивает применение специальных коллизионных норм, которые по отдельным вопросам могут предусматривать применение права другой страны.

Рамками обязательственного статута не охватывается регулирование вопросов правоспособности и дееспособности сторон по договору, добровольного представительства, а также формы и содержания доверенности на совершение договора, которые решаются

на основании избранного сторонами права с использованием установленных законодательством коллизионных привязок.

В рассматриваемом пункте приведен неисчерпывающий перечень других видов статутов: личный статут юридического лица (п. 2 ст. 1202 ГК РФ); вещный статут (новая ст. 1205.1); статут добровольного представительства (п. 5 ст. 1217.1), определяющих право, подлежащее применению не к договорам, а к иным конкурирующим отношениям.

Неурегулированными в ГК РФ остались вопросы о применимом праве к заключению договора, к признанию существования самого договора, к установлению недействительности договора, тем самым законодатель оставил их решение на усмотрение суда.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что большинство судей и арбитров применяют к решению вопросов заключения договоров право, применимое к самому договору. Такое решение следует признать правильным, оно полностью соответствует п. 1 ст. 11 Регламента ЕС 2008 г. (Рим I), в котором говорится, что в тех случаях, когда представители сторон в момент заключения контракта находятся в одной и той же стране, договор считается заключенным в надлежащей форме, если в отношении его оформления соблюдены требования права, применимого к существу самого договора. Такой подход в основном поддерживается российскими учеными, очень четко его отразил проф. Канашевский В.А., подтвердив, что право, применимое к договору должно применяться и к вопросам его заключения [1, с. 401].

Следует коснуться еще одного важного аспекта рассматриваемой проблемы. Так, в соответствии со ст. 1215 ГК РФ обязательственным статутом регулируются лишь последствия недействительности договора, а не основания его недействительности, из чего следует, что право, применимое к признанию сделки недействительной, не может определяться обязательственным статутом, а должно устанавливаться специальными нормами, предусматривающими основания для признания сделок недействительными [2, с. 70-72].

В случае применения российского права для признания сделки недействительной вследствие порока воли какой-либо стороны должны применяться соответствующие статьи ГК РФ (ст. 170, ст. 178).

Вопрос о том, обладал ли субъект сделки правоспособностью на ее заключение, решается его личным статутом. На практике сделки чаще всего признаются недействительными именно потому, что какая-либо ее сторона в момент заключения договора не обладала правоспособностью либо дееспособностью на совершение такого действия. Признание судом сделки недействительной вследствие несоблюдения формы чаще всего осуществляется по праву страны места заключения сделки.

В ситуации признания сделки недействительной в связи с пороком ее содержания применимое право определяется обязательственным статутом, но при соблюдении императивных норм права той страны, с которой данное правоотношение наиболее тесно связано. Поскольку в российском законодательстве перечень вопросов, регулируемых обязательственным статутом, остается открытым, проф. Розенберг М.Г. предлагает включить в обязательственный статут положение об определении момента перехода риска случайной гибели или случайного повреждения имущества правом, подлежащим применению к договору [3, с. 17]. Включение этого пункта привело бы к большей определенности правового регулирования конкурирующих аспектов обязательственного и вещного статутов.

Еще один вопрос решается по-разному в различных юрисдикциях. Страны европейской правовой системы включают институт исковой давности в сферу регулирования обязательственного статута, в отличие от этого страны англо-американской правовой системы поступают иначе, поскольку институт исковой давности включается в их законодательстве не в систему обязательственного права, а в систему процессуального права.

В развитие российского договорного права применительно к обязательственному статусу в ГК РФ были добавлены нормы о праве, подлежащем применению к договорам в отношении недвижимого имущества, к потребительским договорам, к договорам в отношении прав на объекты интеллектуальной собственности.

Одобрение специалистов вызывает обновление законодателем норм ГК РФ, позволившим разрешать особо сложные и по разному трактуемые вопросы, часто встречающиеся в практике действия трансграничных договорных отношений, так в новой редакции статья 1216 ГК РФ дает возможность установить право, применимое к уступке требования по праву, подлежащему применению к самому договору (*lex causae*).

Легальное закрепление коллизионной привязки – «закон, относящийся ко всему правоотношению» (*lex causae*) к определению права по регулированию ряда трансграничных договорных отношений стало положительным итогом реформирования ГК РФ.

Подтверждением этому является содержание статьи 1218 ГК РФ, согласно которому основания взимания, порядок исчисления и размер процентов по денежным обязательствам определяются по праву страны, подлежащему применению к соответствующему обязательству, что позволяет, по нашему мнению, обеспечить единый подход к регулированию всего комплекса договорных отношений.

Достижение определенности правового регулирования в ходе реформы было достигнуто в том числе и потому, что разработчики кодекса использовали в ходе ее осуществления подходы и формулировки Римской конвенции ЕС «О праве, применимом к договорным обязательствам» (Рим I) 1980 г., Регламента ЕС № 593 «О праве, применимом к контрактным обязательствам» 2008 г. (Рим I) и Гаагских принципов, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах 2015 г.¹

Представляя собой модельный правовой акт, Гаагские принципы подтвердили признанную специалистами разных стран тенденцию в сфере правового регулирования трансграничных договорных отношений, отличающуюся значительной активизацией использования принципа автономии воли сторон субъектами коммерческих отношений разных стран [4, с. 972-973; 5, с. 235-236].

Высоко оценивая демократический характер коллизионного принципа автономии воли сторон, Комиссия ООН по праву международной торговли рекомендовала судебным органам использовать в своей практике данный документ для целей толкования норм международного договорного права². Для увеличения случаев применения принципа автономии воли сторон особую значимость представляет ст. 2 (4) Гаагских принципов 2015 г., в соответствии с которой при выборе сторонами применимого права к договору не требуется наличия какой-либо связи между избранным правом и сторонами или избранным правом и договором.

Из указанных актов, пользующихся поддержкой государств Россией, была воспринята и реализована весьма удачная модель коллизионного регулирования трансграничных договорных отношений сторон, основанная на использовании теории наиболее «близкого права», под которым для большинства договоров признается право, избранное сторонами и право стороны, чье исполнение имеет решающее значение для содержания договора.

Приоритетными целями внесения поправок в ГК РФ являлись значительное увеличение оснований для применения коллизионного принципа автономии воли сторон, расширение круга отношений, напрямую регулируемых новыми общими и специальными, коллизионными нормами, что ограничивает необходимость обращения судов и арбитражей к применению права на основе коллизионного принципа наиболее тесной связи.

Кроме включения новых норм в процессе модификации ГК РФ была произведена коррекция формулировок ряда норм не только для достижения большей их определенности при регулировании трансграничных договорных отношений, но и для улучшения юридической техники изложения их содержания.

¹ *Magnus U., Mankowsky P.* (eds). Rome I Regulation (European Commentaries on Private International Law Series)/ Sellier European Law Publishers, 2013.; Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts, approved on 19.03.2015. Дата обращения 05.09.2020 <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf>.

² (Report of the United Nations Commission on International Trade Law (Forty-eight session: 29 June – 16 July 2015). Vienna: United Nations, 2015. Дата обращения: 5 сентября 2020. https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/17).

Содержащая ряд новелл статья 1210 ГК РФ предоставляет сторонам возможность самим определять применимое к договору право в соответствии с закрепленной в ней подробной регламентацией механизма выбора сторонами такого права. Стороны договора не только при его заключении, но и в последующем вправе выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору.

Особую важность для сторон имеет норма о том, что выбор сторонами подлежащего применению права, сделанный после заключения договора, приобретает обратную силу и считается юридически действительным. Последовательность применения коллизионных принципов такова: коллизионное правило решающего исполнения используется лишь в том случае, если стороны не выбрали право к договору.

Необходимо при этом согласиться с теми авторами, которые полагают, что выбор сторонами договора права того государства, которое ограничивает рамки его применения определенным периодом времени, не допустим. [6, р. 51-52]

Именно поэтому большинство авторов считают, что нельзя исключать в будущем возможность изменения сторонами избранного права и это правильный подход. [7, р. 63] В плане либерализации принципа автономии воли сторон предусмотрено также именуемое некоторыми авторами «деление договора», означающее, что его стороны вправе выбрать право не только ко всему договору, но и к его составным частям (п. 4 ст. 1210 ГК РФ). Специалистами в области МЧП данная ситуация квалифицируется также как расщепление договорного статута.

Чаще всего случаи выбора сторонами применимого права к отдельным частям договоров встречаются в практике исполнения договора подряда на территориях разных стран. Норма о возможности выбора участниками договорных отношений права для отдельных частей договора содержится во многих национальных кодификационных актах в области МЧП. При этом должно соблюдаться правило, требующее от сторон конкретизировать, к какой части договора применяется то или иное избранное право, а второе правило предписывает, чтобы избранные сторонами договора правопорядки были юридически совместимыми друг с другом. По этому поводу Верховный суд РФ указал, что выбор права к различным частям договора допустим при условии, что применение различных правовых систем не порождает непреодолимых противоречий и не влечет признания договора или его части недействительными или незаключенными¹.

Суды чаще всего сталкиваются с расщеплением договорного статута при разрешении споров, связанных с концессионными договорами, с договорами строительного подряда и с договорами финансирования проектов.

Следует иметь в виду и учитывать, что при одновременном применении к частям договора права нескольких государств увеличивается риск появления трудностей в регулировании отношений сторон из-за несоответствия правовых норм разных государств, что может повлечь за собой непризнание судом законности соглашения о выборе сторонами именно этих правовых систем для данного договора.

В рамках договорного статута для практики применения норм о трансграничных договорах особое значение имеет новая формулировка статьи 1209 ГК РФ, содержащая весьма либеральные правила, в соответствии с которыми теперь право, подлежащее применению к форме трансграничных сделок может определяться и общей и специальными нормами, при этом согласно общей норме право, применимое к форме такой сделки, может быть установлено правом, применимым к существу правоотношения, т.е. к самой сделке (*lex causae*).

После модификации особое значение придается специальным коллизионным нормам, так именно ими теперь регулируется и определение права, подлежащего применению к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестной конкуренции и вследствие неосновательного обогащения.

¹ П. 29 Постановления Пленума Верховного суда РФ «О применении норм МЧП судами РФ» от 09.07.2019 № 24.

В качестве признанной общей коллизионной нормы по регулированию трансграничных договорных отношений в ГК РФ была закреплена коллизионная привязка – «закон страны продавца», широко используемая в странах европейской правовой системы (ст. 1211 ГК РФ).

Принципиальное значение имеет то, что данная коллизионная норма расщепляется (разделяется) на 18 специальных коллизионных привязок, ввиду значительной изолированности рамок их применения, каждая из них определяет право, применимое к конкретному виду договора. Полагаем, что по указанной причине договорный статут в будущем будет расщепляться еще в большей степени [8, с. 4].

Для правоприменителей важен факт, что нормы об использовании конкретных коллизионных привязок к разным видам договоров имеют сугубо диспозитивный характер и подлежат применению только в случае, если стороны не выбрали соответствующее право. Законодательное закрепление четких коллизионных привязок к каждому конкретному трансграничному договору должно повысить качество правоприменения и тем самым несколько ограничить использование судами коллизионного принципа наиболее тесной связи, правоотношения с правовой системой страны.

Отказ суда от применения коллизионных правил, содержащихся в п.п. 1-8 ст. 1211 ГК РФ должен стать достаточно редким случаем и при условии, что судья (арбитр) в своем решении даст обоснование того, что из закона, условий или существа договора следует, что договорное правоотношение более тесно связано с правом другой страны. Этот вывод должен быть обоснован и подтвержден убедительными фактами.

Введенные в статью 1211 ГК РФ коллизионные привязки основаны на широко используемой в праве ЕС теории характерного исполнения, согласно которой подлежит применению право страны, в которой находится место жительства или основное место деятельности стороны, осуществляющей исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора на момент его заключения.

Тем более, что в ГК РФ внесены изменения, уточняющие критерии для определения судам права страны, с которой определенные договоры имеют наиболее тесную связь, так, например, наиболее тесно связанной с договором коммерческой концессии признается страна, на территории которой пользователю разрешено использовать комплекс исключительных прав, принадлежащих правообладателю.

Облегчит работу судьи также, признание в ГК РФ конкретного правила, согласно которому действие принципа наиболее тесной связи распространяется на обязательства, возникающие из односторонних сделок (ст. 1217 ГК РФ), в этом случае им будет взято во внимание место жительства или основное место деятельности стороны, принимающей на себя обязательства по односторонней сделке. Эти критерии некоторыми авторами именуется презумпциями наиболее тесной связи с конкретным государством, право которого должно применяться.

В силу особенностей предмета сделки специального коллизионного регулирования потребовали договоры в отношении недвижимого имущества, суть которого состоит в том, что при отсутствии соглашения о выборе сторонами права действует правило, согласно которому к договору применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан, а таким правом в данном случае признается право страны, на территории которой данное недвижимое имущество находится.

Можно сделать вывод о том, что введение принципа применения права той страны, с которой то или иное отношение наиболее тесно связано, является ярким примером утверждения в МЧП гибких принципов определения применимого права. Следует согласиться с Е.В. Кабатовой в том, что принцип наиболее тесной связи выступает скорее как общий принцип, а не как результат применения коллизионной нормы, ибо здесь отсутствует указание на конкретную правовую систему, которая должна быть определена судом или арбитражем при рассмотрении конкретного спора. Ею акцент делается на том, что нахождение тесной связи представляет собой не результат применения конкретной нормы, а итог использования общего принципа [8, с. 8-9].

Такой вывод данного автора очень важен в связи с тем, что сейчас специалисты в области международного частного права обсуждают вопрос о системе принципов этой отрасли права и выявляют различные мнения по этой проблеме. Для ожидаемой комплексной кодификации норм международного частного права это требуется в первую очередь. Следует иметь в виду, что поскольку место жительства или основное место деятельности стороны, осуществляющей характерное исполнение, определяется на момент заключения договора, то, если в последующем данное место изменится, это не должно повлиять на применимое к договору право [9, с. 125-126].

Такой подход желательно применять и при толковании других норм ст. 1211 ГК РФ, в которых используются привязки к месту жительства или основному месту деятельности стороны по договору, поскольку он обусловлен намерением законодателя не допустить последующего изменения договорного статута, так как это может быть неприемлемо для какой-либо стороны договора.

Для правоприменителя имеет значение тот факт, что использование закрепленного в п. 9 ст. 1211 ГК РФ правила наиболее тесной связи отменяет действие коллизионного принципа характерного исполнения. Согласно нормам права действие закона наиболее тесной связи не распространяется на договоры с участием потребителя и договоры о создании юридического лица с участием иностранных лиц.

В заключение необходимо сформулировать выводы.

Правовое регулирование трансграничных договорных отношений занимает весьма важное место в международном частном праве, что обусловлено активизацией коммерческого оборота с участием иностранных лиц.

После модификации российское право позволяет обеспечить более полное и свободное волеизъявление сторон договора по выбору применимого права, что будет содействовать исполнению ими договорных обязательств и справедливому для них разрешению спорных проблем. По нашему мнению, совершенствованию процесса регулирования трансграничных договорных отношений способствовало бы включение в перечень направлений действия права, подлежащего применению к трансграничным договорам пунктов, касающихся заключения договора, существование договора и недействительности договора ввиду того, что в настоящее время в статье 1215 ГК РФ они отсутствуют.

Все вышеизложенное подтверждает, что Россия подготовилась к комплексной полномасштабной кодификации норм международного частного права.

Литература

1. *Канашевский В.А.* Международное частное право. Учебник. Четвертое издание. М.: Международные отношения, 2019. 1059 с.
2. *Бардина М.П.* Некоторые аспекты проблемы недействительности внешнеэкономических сделок (отсутствие правоспособности и превышение полномочий) // Международное частное право:... Сб. статей / Под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланова. М., 2000. 125 с.
3. *Розенберг М.Г.* Международный договор и иностранное право в практике Международного коммерческого арбитражного суда. М.: Статут, 1998. 211 с.
4. *Новикова Т.В.* Договор международной купли-продажи товаров: Принцип автономии воли сторон в документах Гаагской конференции по международному частному праву // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 11(4). С. 972–992.
5. *Симатова Е.Л.* Проект Гаагских принципов выбора права в международных коммерческих договорах как отражение тенденции расширения сферы действия принципа автономии воли сторон в международном частном праве / Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе. Под ред. Александра В. Герасимова, Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. 260 с.
6. *Frick J.G.* Arbitration and Complex International Contracts. Kluwer Law Int'l. The Hague, 2001, 260 p.
7. *Nygh P.* Autonomy in International Contracts. Oxford; Clarendon Press. 1999. 250 p.

8. *Кабатова Е.В.* Изменение роли коллизионного метода в международном частном праве / Богуславский М.М., Светланов А.Г. (ред.). Международное частное право: современная практика: сб. статей. М., 2000. 175 с.
9. *Weintraub R.* Commentary on the Conflict of Laws. 3rd ed. N.Y., 1986. 375 p.

Volova Larisa Ivanovna, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of International Law, Southern Federal University (88, M. Gorky Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: volova-li@yandex.ru

NOVELTIES OF CONFLICT-OF-LAWS REGULATION OF CROSS-BORDER CONTRACTUAL RELATIONS AFTER THE MODIFICATION OF THE NORMS OF SECTION VI OF THE THIRD PART OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

In this article, the author considers important problematic issues related to the new rules of conflict-of-laws regulation of cross-border contractual relations. It examines the results of the reform of articles 2009-2018 of the VI section of the third part of the Civil Code of the Russian Federation regulating cross-border legal relations of obligations. The author's assessment of the novelties introduced into the Russian legislation on the basis of the experience of foreign countries and judicial practice is given. The advantages of the theory of "decisive execution", "close law", as well as new approaches to the differentiation of the spheres of the statutes of obligations and property in the regulation of the transfer of property rights in cross-border transactions are shown.

Keywords: *reform of contract law, treaty statute, theory of characteristic execution, the principle of autonomy of the will of the parties, the principle of the closest connection.*

References

1. Kanashevskij V.A. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Uchebnik. CHetvertoe izdanie. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. 1059 p.
2. Bardina M.P. Nekotorye aspekty problemy nedejstvitel'nosti vneshneekonomicheskikh sdelok (otsutstvie pravospособnosti i prevyshenie polnomochij) // Mezhdunarodnoe chastnoe pravo:... Sb. statej / Pod red. M.M. Boguslavskogo i A.G. Svetlanova. M., 2000. 125 p.
3. Rozenberg M.G. Mezhdunarodnyj dogovor i inostrannoe pravo v praktike Mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazhnogo suda. M.: Statut, 1998. 211 p.
4. Novikova T.V. Dogovor mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov: Princip avtonomii voli storon v dokumentah Gaagskoj konferencii po mezhdunarodnomu chastnomu pravu // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 11(4). P. 972–992.
5. Simatova E.L. Proekt Gaagskih principov vybora prava v mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorah kak otrazhenie tendencii rasshireniya sfery dejstviya principa avtonomii voli storon v mezhdunarodnom chastnom prave / Aktual'nye problemy razvitiya grazhdanskogo prava i processa na sovremennom etape. Pod red. Aleksandra V. Gerasimova, Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2015. 260 p.
6. Frick J.G. Arbitration and Complex International Contracts. Kluuber Law Int'l. The Hague, 2001, 260 p.
7. Nygh P. Autonomy in International Contracts. Oxford; Clarendon Press.1999. 250 p.
8. Kabatova E.V. Izmenenie roli kollizionnogo metoda v mezhdunarodnom chastnom prave / Boguslavskij M.M., Svetlanov A.G. (red.). Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennaya praktika: sb. statej. M., 2000. 175 p.
9. Weintraub R. Commentary on the Conflict of Laws. 3rd ed. N.Y., 1986. 375 p.